

Перельман Ирина Владимировна

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ГЕНДЕРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается проблема особенностей гендерного развития в России второй половины XIX - начала XX века. Автор анализирует стратегии новых гендерных ориентиров, внесенных в российское общество в связи с социально-политическими реформами, либеральным философско-публицистическим дискурсом и активным общественным движением указанного периода. Обосновывается положение о том, что в России к началу XX века существовала сложно структурированная картина гендерного уклада.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. I. С. 146-151. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

53. Слинкин М. Ф. Проблема урегулирования положения вокруг Афганистана (историко-политический аспект) // Культура народов Причерноморья. 2002. № 33. С. 111-131.
54. Слинкин М. Ф. Речевая практика персидского языка. 3-й курс. Симферополь: ТЭИ, 1998. 346 с.
55. Слинкин М. Ф. Речевая практика персидского языка. 3-й курс. Изд-е 2-е, испр. и доп. Симферополь: Сонат, 2003. 313 с.
56. Слинкин М. Ф. Русско-дари военный и технический словарь. М.: Воениздат, 1981. 847 с.
57. Слинкин М. Ф. Русско-дари военный и технический словарь. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Воениздат, 1987. 847 с.
58. Слинкин М. Ф. Сулейман Лайек – поэт, гражданин, политик // Культура народов Причерноморья. 2005. № 62. С. 94-98.
59. Слинкин М. Ф. Хаджи (афганские встречи и беседы) // Культура народов Причерноморья. 2006. № 85. С. 163-164.
60. Слинкин М. Ф. Хальк и Парчам: истоки межфракционных противоречий и расколов // Культура народов Причерноморья. 1999. № 9. С. 98-107.
61. Слинкин М. Ф. Этническая проблема в Афганистане (историко-политический анализ) // Культура народов Причерноморья. 2005. № 66. С. 46-60.
62. Слинкин М. Ф. Языковые штампы официально-деловых документов, переписки и устного общения. Персидский язык. 5-й курс. Симферополь: ТЭИ, 1997. 50 с.
63. Слинкин М. Ф. 1957 год. Первый афганский «десант» // Солдат удачи. М., 2004. № 2 (113). С. 10-14.
64. Слинкин М. Ф., Баронин А. И. Создание современной армии в Афганистане // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1978. № 11 (196). С. 71-126.
65. Слинкин М. Ф., Ганковский Ю. В., Полищук А. И. История вооружённых сил Афганистана. 1747-1977. М.: Наука, 1985. 206 с.
66. Слинкин М. Ф., Ежов Г. П. Идеологическая работа в афганской армии // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. 1973. № 12 (151-1). С. 104-122.
67. Слінкін М. Ф. Прихід до влади і криза лівого режиму Таракі-Аміна в Афганістані: автореф. дисс. ... д.і.н. Київ, 2000. 36 с.
68. *The Foreign Policy and International Relations of the DRA*. Kabul: Government Printing Press, 1984. 74 p.

PROFESSOR M. F. SLINKIN: THE MAIN DIRECTIONS OF RESEARCHES

Pashkovskii Petr Igorevich, Ph. D. in Political Sciences

Kryzhko Evgenii Vladimirovich, Ph. D. in History

Vernadsky Crimean Federal University

petr.pash@yandex.ru; jeyson1030@gmail.com

The article is devoted to the examination of the main directions of the scientific researches of the distinguished domestic orientalist, Doctor in History, Professor M. F. Slinkin (1925-2007). In wartime he was a fearless soldier, officer, in peacetime – a professional diplomat and international affairs scientist-expert, orientalist, the founder of the home Afghan studies of the second half of the XX century. His scientific heritage belongs equally both to history and political science of international relations and to eastern philology.

Key words and phrases: M. F. Slinkin; directions of researches; Orientalism; Afghan studies; history; political science; international relations; eastern philology.

УДК 130.2

Философские науки

В статье рассматривается проблема особенностей гендерного развития в России второй половины XIX – начала XX века. Автор анализирует стратегии новых гендерных ориентиров, внесенных в российское общество в связи с социально-политическими реформами, либеральным философско-публицистическим дискурсом и активным общественным движением указанного периода. Обосновывается положение о том, что в России к началу XX века существовала сложно структурированная картина гендерного уклада.

Ключевые слова и фразы: гендерный уклад; гендерные ориентиры; гендерные стереотипы; концепция всеобщего гуманизма; «женский вопрос»; женское движение.

Перельман Ирина Владимировна

Государственный институт искусствознания, г. Москва

perelman7655@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ГЕНДЕРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА©

Гендерный аспект социального развития – одна из фундаментальных составляющих исторического знания об обществе. Он активно исследуется современным научным дискурсом. Интерес к гендерной теории связан с возможностью выявления устойчивых и изменчивых социальных связей, подтверждающих и воспроизводящих представление о «мужском» и «женском» как категориях социального порядка в процессе исторического развития, а также подтверждающих наличие между ними властной компоненты. Методологическую основу гендерной истории общества составляют модернистские социологические теории, которые концептуально дополняют друг друга [15, с. 123-394].

История российского общества конца XIX – начала XX века дает огромный малоизученный с позиций поступательного гендерного развития материал. Историография научных работ, посвященных гендерной проблематике этого периода, сосредоточилась в основном на изучении «женского вопроса» и женского движения в России второй половины XIX – начала XX века. К проблемам этого ряда, еще в советский период, обращались как отечественные [5; 16], так и зарубежные исследователи [20]. Формирование внеидеологических объективных подходов к анализу российской истории и культуры, начавшееся в отечественной науке в 1990-е гг. XX в., а также популяризация гендерной теории явились предпосылками для создания широкого корпуса текстов, посвященных указанной проблематике. В России появились крупные ученые, такие как С. Г. Айвазова, О. А. Хасбулатова, Н. Л. Пушкарева, внесшие огромный вклад в изучение круга тем, связанных со становлением и развитием женской личности на разных этапах отечественной истории. Однако отсутствуют работы, в которых бы «женский вопрос» был органично «вплетен» в рамки целостной гендерной истории России, в данном случае второй половины XIX – начала XX века. Бесспорно, что с тематикой «женского вопроса» связана большая часть проблем гендерного контекста этого исторического периода. Однако те социально-политические и экономические процессы, которые происходили в России со второй половины XIX века, начиная с «Великих реформ» Александра II, дают основания утверждать, что история гендерного развития этого времени не ограничивается исключительно проблемами женской половины населения Российской империи.

Историю второй половины XIX века в России открывают либерально-демократические реформы, проводимые правительством Александра II с целью постепенного перехода российского общества от традиционного аграрного к индустриальному, которые, к сожалению, не будут логически завершены в связи с трагической гибелью императора (1881 г.) и проведением контрреформ правительством Александра III. основополагающей в контексте гендерной проблематики является крестьянская реформа 1861 г. Она дала толчок трансформации того гендерного уклада, который был характерен для России как для феодального сословного общества, сложившегося еще в XVIII веке [6, с. 12]. Этот уклад определялся жесткими нормами и правилами социальной дифференциации, минимальной мобильностью, персонализированным правом, «цементирующим» платформу патриархальной гендерной стереотипизации.

Пореформенные годы внесли в структуру российского общества новые гендерные ориентиры, связанные, прежде всего, с идеей освобождения и защиты личности и межсословного компромисса. Отменялась собственность на человека. Создавались предпосылки для формирования капиталистического уклада, который преобразовывал все остальные общественные уклады. В 60-70-е гг. создавалось сословное и бессословное местное самоуправление, независимый и единый для всех суд – важнейшее условие равенства всех перед законом, введение всеобщей воинской повинности, расширение свобод слова и печати. Происходила постепенная структурная перестройка общественной деятельности, которая создавала предпосылки для привлечения к широким социальным связям, ролям и практикам новых потоков людских масс. В отдельных слоях общества начался процесс смены социальной ориентации. Это обусловило возникновение в России «женского вопроса» [22]. А. М. Коллонтай писала о том, что новые экономические и социальные отношения в России, связанные с освобождением крестьян, поставили «...значительную часть населения в необходимость изыскивать себе средства к существованию... Рядом с работником-интеллигентом пореформенный строй стал выбрасывать на рынок труда незнакомый дотоле тип женщины, ищущей, подобно своему собрату – мужчине, работы, обеспечивающей ей хлеб насущный» [9, с. 70]. На это же указывает современный социолог С. Г. Айвазова. «На первых порах, – пишет Айвазова, – речь шла о “дворянском” и “разночинном” женском “пролетариате”, то есть о девушках из стремительно разорявшихся дворянских семей и представительницах разраставшегося разночинного слоя, вынужденных зарабатывать себе на жизнь самостоятельным трудом...» [1]. Содействовать становлению «равных возможностей» на рынке труда была призвана идея личностного развития индивида, проповедуемая либеральными идеологами этих и последующих десятилетий [10], а также концепция всеобщего гуманизма, отвергавшая сословные рамки старой системы. Она выражалась во взглядах передовых общественных деятелей этого времени, таких как Л. Н. Толстой, Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, и связана с реформами 50-60-х гг. XIX века в области просвещения [7, с. 83-85]. В 1861 г. в России состоялось учреждение Комитета грамотности при Вольном экономическом обществе. В 1863 г. был принят новый университетский устав, отличавшийся своей либеральной направленностью. Формально в университет разрешалось поступление выходцам из низших сословий. Кроме закрытых учебных заведений для девушек из дворянского сословия, сложившихся в России еще с XVIII века, в конце 50-х гг. XIX века появились первые открытые женские училища для представительниц всех сословий, которые в 1862 г. были переименованы в женские гимназии [Там же, с. 89]. Женское образование в России становилось бессословным, что способствовало доступу молодежи к универсальным гуманистическим ценностям и ресурсам, нивелированию сословно-корпоративной замкнутости и социального остракизма. В 1872 г. в Москве открылись Высшие женские курсы профессора В. И. Герье – первое в России женское учебное заведение общегосударственного характера. В 70-е гг. XIX века подобные курсы открылись в Петербурге, Казани, Киеве, Одессе. Однако участие курсисток в революционном движении в 1886 г. побудило правительство повсеместно прекратить прием на обучение. В целом по России к концу XIX века выросла общая численность учебных заведений различного уровня. Однако основные преимущества в получении образования имели состоятельные слои общества, а подавляющее большинство населения к концу XIX в. все же оставалось неграмотным. Тем не менее, наряду с другими социальными реформами, реформы в области просвещения в России второй половины XIX в. (до периода контрреформ Александра III) явились одними из основных в процессе формирования бессословных начал гражданского общества, рождающего новые гендерные идеологии и практики, ликвидирующего узкосословную гендерную стереотипизацию.

В силу того, что в условиях абсолютной монархии в России и мужчины, и женщины не имели политических прав и начинали их постепенно обретать со второй половины XIX в., уместно говорить об эмансипации в течение указанного периода не только женской части населения, но и всего общества в целом. Важную роль в этом процессе сыграло либерально-демократическое течение общественной мысли второй половины XIX – начала XX в. Российский либерализм 60-80-х гг. XIX в. сложился как разветвленное явление, которое идеологически не было монолитным. Его участники часто не понимали друг друга и относились к разным лагерям. К нему примыкали и представители поместного дворянства, и всесословная интеллигенция. Либералы входили в русскую жизнь как активные участники социального процесса. Важность российского либерализма в контексте гендерной истории состояла в том, что он требовал демократических свобод и неприкосновенности прав личности [13]. Несмотря на то, что к началу XX в. российский либерализм становится радикальным, свобода личности, веры и совести, вера в реформы «сверху», стремление избежать социальной революции, неприятие насильственных действий со стороны народных масс являются его магистральным утверждением [8]. Радикальной части представителей российского либерализма было свойственно такое духовное состояние как нигилизм. Будучи индикатором социокультурного кризиса и ломки привычных устоев жизни [18, с. 25], нигилизм отрицал высшие ценности патриархального общества и создавал почву для таких социальных моделей и практик, в которых человек отрывался от своих корней и культурных традиций. В русской социально-политической мысли второй половины XIX в. нигилизм оценивался неоднозначно [2]: по словам А. И. Новикова, «это радикальное отрицание любых культурных, социальных, нравственных и эстетических норм, препятствующих, согласно его установкам, прогрессивному развитию российского общества в целом и всех его членов в отдельности» [12, с. 37]. Современная исследовательница российской истории и культуры Б. Пиетров-Эннкер видит в нигилистах не только всеобщий протест. Она подчеркивает их стремление к изучению естественных наук, ориентацию не на настоящее, а на будущее. Рассуждая о нигилистах, автор широко использует понятие «встречная культура», которая демонстрировала альтернативную социализацию и порождала «новых людей», стремящихся отстаивать принцип свободы индивидуальности, равенства и человеческого достоинства [14, с. 57-59]. В контексте гендерной проблематики, важность идей нигилизма заключалась в отстаивании идеи свободного независимого индивида (невзирая на половую принадлежность), в отрицании социального рабства, в протесте против существующей сословно структурированной действительности, в пересмотре основ семейного уклада: это своего рода социальный экстремизм, вбирающий в себя экстремизм гендерный. Нигилистами и нигилистками становилась, в первую очередь, студенческая молодежь, а также разночинная интеллигенция. Свою оторванность от традиционализма внешне нигилисты выражали через гендерный дисплей, который часто шокировал окружающих. Таким образом, в России формировался новый «коллективный менталитет», который находился в противостоянии с господствующим социальным порядком. Он не просто бросал вызов традиционному гендерному укладу. Он его радикально трансформировал.

Позднее к кругу тем гендерной проблематики обращался и российский дискурс более умеренного толка, в частности религиозно-философская мысль конца XIX – начала XX в. В 1892-1893 гг. вышел в свет цикл статей В. Соловьева «Смысл любви», в котором автор разбирал круг вопросов, связанных с половой дифференциацией, и останавливался на таких понятиях, как индивидуальность, человек, семья. Соловьев выступает поборником индивидуального сознания в человечестве, через повышение (религиозное и научное) которого прогрессирует сознание всеобщее [19, с. 135]. Философ признает равнозначность каждой из человеческих индивидуальностей, преодолевающих свою обособленность (эгоистичность) посредством любви к другому. «Любая человеческая индивидуальность способна познавать и осуществлять истину, – пишет философ, – каждый может стать живым отражением абсолютного целого, сознательным и самостоятельным органом всемирной жизни» [Там же, с. 136-137]. Эта позиция сближает «индивидуальность» Соловьева с диалектикой гендера – одновременно подвижной и устойчивой категорией социально-исторического анализа. Утверждая познавательную и деятельностную способность любой человеческой индивидуальности (вне зависимости от пола), Соловьев признает на этой основе правомочность перспектив социального развития общества. Содержательным противоречием отличается позиция философа относительно понятия «человек». Первоначально представление о человеке для Соловьева есть единство двух, распадающихся в реальности индивидуальностей. «Истинный человек, – пишет Соловьев, – в полноте своей идеальной личности, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих. В эмпирической действительности человека как такового нет – он существует лишь в определенной односторонности, как мужская или женская индивидуальность» [Там же, с. 146]. По мере развития проблемы акцентуация человека переносится философом с единства двух в сторону андроцентризма, при котором муж осуществляет творческое начало относительно своего женского дополнения.

Рассуждая о семье как об основной объективации социально-нравственного закона, Соловьев видит в ней организм, который вводит животную природу человека в границы, необходимые для родового прогресса, но губительные на пути к бессмертию. «Индивидуальное существо, – пишет философ, – так же истощается и умирает в социально-нравственном порядке жизни, как если бы оно оставалось исключительно под законом жизни животной» [Там же, с. 160]. Родовой прогресс или родовое воспроизведение, утверждает половую предопределенность – безличный аскетизм индивида, подчиненный природной необходимости, которая перерастает в общепринятые социально-культурные нормы-стереотипы. «Но в человеке, – пишет Соловьев, – кроме животной природы и социально-нравственного закона есть еще третье, высшее начало – духовное, мистическое или божественное» [Там же]. Именно оно отвергает родовое начало, природную предопределенность пола. Оно означает стремление индивидуальности свободно утвердить себя в системе всеобщих взаимосвязей. Таким образом, преодолевая возвышенно религиозный пафос терминологии Соловьева,

дабы добраться до философской сущности его рассуждения о бытии, надо отметить амбивалентность его взглядов, ведь оставаясь на позициях андроцентризма, он утверждает активную индивидуальность вне зависимости от половой дифференциации, способную осуществлять высшее духовное развитие. Можно считать, что идеи Соловьева относительно ценности развивающейся индивидуальности в целом укладываются в русло прогрессистских идей российской социально-философской мысли конца XIX в.

К философии пола и любви на протяжении всего своего творчества обращался младший современник В. Соловьева Н. Бердяев. На рубеже веков она звучит в личной переписке философа [4], в статье «Метафизика пола и любви» (1907) [3]. В. П. Шестаков отмечает, что формированию теоретических взглядов Бердяева на вопросы пола и любви способствовали В. Соловьев и писатель и публицист В. Розанов [23, с. 7-8]. «Половая полярность есть основной закон жизни, и, может быть, основа мира», – пишет Бердяев [4, с. 22]. Утрату представления о половой полярности философ считает вырождением. Половое разъединение есть основа всякого разъединения. Одновременно оно есть объединяющее начало семейной ячейки, которая продолжает род и которая накапливает собственность. Эти два фактора поглощают личность. Ее развитие стереотипизируется, подчиняясь социальной необходимости. Таким образом, Бердяев устанавливает (выявляет) основные векторы социальной стереотипизации: семья и собственность. Анализируя общественные проблемы современности в статье 1907 г. «Метафизика пола и любви», в содержании которой чувствуется влияние взглядов В. Соловьева, Н. Бердяев отмечает, «...что социальный вопрос, так болезненно мучающий нашу эпоху, не может быть решен иначе, как в связи с проблемами пола и любви. Личное начало восстает против рода, против роста народонаселения, против собственности, против семьи...» [3, с. 49]. То есть в самосознании личности появляется представление о ее избранности, исключительности, индивидуальном пути развития. Истоки этого явления философ связывает с диалектикой романтизма: «Романтизм полон чаяниями преображения плоти, новой духовной и плотской любви, утверждает высшее божественное достоинство личности» [Там же, с. 47]. На акцентуации проблемы свободы выбора в любви (в том числе) основывается определение понятия «гендер». Таким образом, романтизм становится близок диалектике гендера в том, что также провозглашает свободу выбора индивидуальности посредством свободы выбора в любви. Именно с точки зрения свободной любви, по мнению Н. Бердяева, начинается становление свободной личности, личности будущего. Таким образом, можно предположить, что в романтизме заключено провиденциальное предвосхищение гендера. В этом звене происходит соединение философии социального конструирования пола с философией духа. Оно символизирует преемственность духовного развития следующих друг за другом эпох. Стремление романтического героя к вселенскому достоинству (масштабу) личности на новом историческом витке проявляет себя как стремление личности к суверенности, к самостоятельному конструированию жизненного проекта. Однако мы будем заблуждаться, если посчитаем, что Бердяев в романтизме видел предпосылки абсолютной духовной свободы личности.

Великая правда о свободе пола, по мнению философа, заключена в «женском вопросе». Крушение родового начала и обострение проблем личности философ видит в актуализации «женского вопроса», следствием которого является глубокий кризис не только женского бытия, но и всего человеческого бытия [Там же, с. 53]. Половая эмансипация искажает саму идею пола, следовательно, его отрицает. Эмансипация отрицает метафизическое начало женственности, следовательно, есть явление пагубное. «Равенство мужчины и женщины есть равенство пропорциональное, равенство своеобразных ценностей, а не уравнение и уподобление» [Там же, с. 57]. Решение «женского вопроса», по мнению философа, должно происходить только через метафизику пола, в котором женственность есть самодостаточное начало, призванное сыграть творческую роль в ходе всемирной истории и никакие социальные реформы и перевороты его не определяют. В этой точке зрения заключается очень важное уточнение в позиции Бердяева. Философ выступает против модернизации традиционного гендерного контракта¹, выдвигая идею о совершенствовании индивида исходя исключительно из его природной половой предопределенности, не вторгаясь в зону гендерной конфронтации. Таким образом, Бердяев остается консерватором относительно понимания проблемы социального проявления пола.

Обобщая, можно отметить, что в русской социально-философской мысли второй половины XIX – начала XX в. среди либерально- и радикально-демократических тенденций существовала и тенденция провозглашения умеренной модернизации (в русле природной половой предопределенности) активно развивающегося индивида, не стремящегося к гендерной революции.

Тем не менее, все острее заявляли о себе социальные проблемы, связанные с «женским вопросом», который стал перерастать в женское движение. Оно являлось индикатором гендерной проблематики и субъектом гендерного развития. «Женское движение сложилось как совокупность женских организаций с фиксированным и нефиксированным членством, которые действовали с целью удовлетворения интересов женщин из различных социальных слоев общества, а также корректировки государственной политики для достижения гендерного равенства в различных сферах общественной жизни» [11, с. 254]. Оно неотъемлемо было связано с общественным движением в России конца XIX – начала XX в. и считается частью российского освободительного движения. Значительное влияние на его формирование оказали идеи Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Н. С. Тихонравова и других передовых общественных деятелей, которые выступали за равноправие мужчин и женщин.

Конец XIX в., а именно период с 1895 г., исследователями рассматривается как рубеж качественной трансформации российской гендерной проблематики, её политизации [21, с. 42]. Одним из лозунгов этого

¹ Гендерный контракт – это контекстуально обусловленные, иерархически структурированные образцы взаимодействия полов [17, с. 172].

времени становится требование «Свободы и равенства всех перед законом без различия пола», а наиболее крупной политической организацией – Русское женское Взаимноблаготворительное общество [11, с. 257].

С начала 90-х гг. XIX века в российской студенческой и общественной среде становится популярной идеология марксизма. Её представители выступают категорически против либерально-буржуазных преобразований в стране и стремятся к созданию в России социал-демократической партии. В 1895 г. в Петербурге возникает «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Активная общественная деятельность марксистов создает предпосылки для выдвижения нового идейного направления в гендерных стратегиях – направления, основанного на классовых позициях. Его идеи подхватываются в новом течении женского движения, которое одними исследователями рассматривается как радикально-марксистское в общей канве феминизма [22, с. 5], другими как социал-демократическое (пролетарское) [21, с. 68]. Идеологами этого течения становятся К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Бебель, В. И. Ленин. Решение «женского вопроса» социал-демократы видят в контексте решения общепролетарского вопроса, а также в вовлечении женщин в общественное производство, ликвидации частной собственности на средства производства и смене общественно-политического строя. После январских событий 1905 г. раздаются радикальные требования социал-демократов о новых гражданских правах. С этого момента, по мнению А. Коллонтай: «Женское движение покидает свое прежнее скромное русло и вступает на новый общественный путь» [9, с. 73]. В апреле 1905 г. создается «Союз равноправности женщин» – первая в России женская организация с политической платформой.

Таким образом, к первому десятилетию XX века в России складываются три основных идеологических установки общественно-политической мысли, артикулирующих стратегии развития российского общества, в русло которых укладываются главные стратегии гендерного развития данного периода: это либерально-демократическое, социал-демократическое и национал-патриотическое (консервативное). Каждое из них получило выражение в ряде организаций российского женского движения. Всем направлениям соответствовали устойчивые типы поведения, системы жизненных ценностей и ориентиров, которые являлись свидетельством устойчивости данных социальных явлений [11, с. 264]. Исходя из этого, можно говорить о складывании моделей гендерной стереотипизации в рамках каждого из указанных направлений. Однако эти процессы лишь частично затронули российское общество, поскольку основная масса населения Российской империи – крестьянство, оставалось по-прежнему неграмотным и находилось в стороне от происходящих социальных трансформаций.

Тем не менее, за период второй половины XIX – начала XX в. российское общество прошло важный этап гендерного развития, который получил отражение в социально-философском и публицистическом дискурсе эпохи. В нем отразились создавшиеся предпосылки для трансформации гендерного уклада от патриархальной модели к либерально-демократической. Отправными звеньями этого процесса явились «Великие реформы» Александра II. В связи с интенсивным развитием социально-политического и общественного сознания на протяжении всей второй половины XIX века, а также экономического развития, в России к концу XIX – началу XX века сложилось сословно-классовое общество переходного типа [6, с. 556], которому была присуща сложно структурированная картина гендерного уклада. В нем выделялась система гендерных ориентиров, которые стремились охватить все слои российского общества и выражали их социальные интересы.

С началом Первой мировой войны российские женщины различных слоев населения добровольно уходили на фронт не только в качестве медицинского персонала, но и для непосредственного участия в боевых действиях. Происходила деструкция официального гендерного контракта, вызванная глобальной социальной катастрофой. Можно сказать, что это явление стало колоссальным гендерным катаклизмом в истории России второго десятилетия XX в. С прекращением участия России в Первой мировой войне и установлением власти большевиков завершается этап плюрализма гендерной модернизации, поскольку в дальнейшем партия большевиков будет авторитарно принимать решения относительно концепции гендерного развития российского общества.

Список литературы

1. Айвазова С. Г. Очерк 1. Феминистская традиция в России. 2. Права женщин в контексте русской культуры [Электронный ресурс] // Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. URL: http://www.owl.ru/win/books/gw/o1_2.htm (дата обращения: 14.12.2014).
2. Андронов Ю. В., Богданов А. В., Ермашов Д. В. Русский нигилизм / «Труженик мысли и вечный пролетарий»: жизнь и идеи В. А. Зайцева // Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: В. А. Зайцев / под ред. А. А. Ширинянца; сост. Ю. В. Андронов, А. В. Воробьев, Д. В. Ермашов. М.: Издатель Воробьев А. В., 2000. С. 22-37.
3. Бердяев Н. Метафизика пола и любви // Бердяев Н. Эрос и личность: философия пола и любви. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2012. С. 24-75.
4. Бердяев Н. Письмо будущей жене Л. Ю. Рапп // Бердяев Н. Эрос и личность: философия пола и любви. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2012. С. 21-23.
5. Блинова Е. П., Благова Т. И., Ефимова А. Л. Идеино-политическая борьба и некоторые проблемы женского движения / отв. ред. Н. А. Ковальский. М.: Мысль, 1981. 254 с.
6. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 2004. 574 с.
7. История России. XIX век: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2-х ч. / под ред. В. Г. Тюкавкина. М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 2004. Ч. 2. 352 с.
8. Ким Сын Рэ. Конституционные идеи российского либерализма (история и современность) / науч. ред. Н. П. Ионычев. М.: Изд-во МГУП, 1999. 133 с.
9. Коллонтай А. М. Введение к книге «Социальные основы женского вопроса» // Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1972. С. 61-81.
10. Лавров П. Л. Исторические письма, 1868-1869. Изд-е 8-е. М.: URSS, 2013. 295 с.

11. Микшина Е. А. Гендерология и феминология: учебное пособие. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 359 с.
12. Новиков А. И. Нигилизм и нигилисты: опыт критической характеристики. Л.: Лениздат, 1972. 296 с.
13. Петрункевич И. И. Ближайшие задачи земства // Юбилейный земской сборник. СПб., 1914. С. 430-434.
14. Пиетров-Эннкер Б. «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М.: РГГУ, 2005. 444 с.
15. Пушкарева Н. Гендерные исследования в исторических науках // Пушкарева Н. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетей; АНО «Женский проект СПб», 2007. С. 123-403.
16. Решетова С. Х. Женский вопрос в первой русской революции: автореф. дисс. ... к.и.н. / Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1973. 33 с.
17. Роткирх А., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход: коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 169-200.
18. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: В. А. Зайцев / под ред. А. А. Ширинянца; сост. Ю. В. Андронов, А. В. Воробьев, Д. В. Ермашов. М.: Издатель Воробьев А. В., 2000. 284 с.
19. Соловьев В. Смысл любви. М.: Современник, 1991. 525 с.
20. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930 / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 616 с.
21. Хасбулатова О. А., Гафизова Н. Б. Женское движение в России (вторая половина XIX – начало XX века). Иваново: ФГУП «Издательство “Иваново”»; Иван. гос. ун-т, 2003. 256 с.
22. Чернобаева А. Ю. Основные проблемы женского движения в России во второй половине XIX – начале XX веков: проблемная лекция для подготовки бакалавров всех специальностей. М.: ГУУ, 2013. 28 с.
23. Шестаков В. П. Философия любви Н. А. Бердяева // Бердяев Н. Эрос и личность: философия пола и любви. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2012. С. 5-18.

HISTORICAL CONTEXTUALITY OF GENDER DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN SOCIETY AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Perel'man Irina Vladimirovna
State Institute of Art Criticism in Moscow
perelman7655@mail.ru

The article examines the problem of the peculiarities of gender development in Russia of the second half of the XIX – the beginning of the XX century. The author analyzes the strategies of new gender guidelines that were introduced into the Russian society in connection with the socio-political reforms, liberal philosophical and publicistic discourse and active social movement of the mentioned period. The paper justifies the thesis that the complexly structured picture of gender style had existed in Russia by the beginning of the XX century.

Key words and phrases: gender style; gender guidelines; gender stereotypes; conception of universal humanism; “women’s issue”; women’s movement.

УДК 973.091.8

Исторические науки и археология

В данной статье рассматривается изменение законодательной базы после принятия администрацией Ричарда Никсона нового курса по индейскому вопросу в 1970 году. Автором проводится анализ различных законопроектов, принятых правительством США в период с 1968 по 1978 гг., и их влияния на жизнь коренных американцев. На основе представленных источников сделаны выводы о том, что законы были направлены на улучшение многих сторон жизни коренных американцев в современном обществе. Внутренние и внешние факторы послужили благодатной почвой для изменения курса государства относительно индейского вопроса.

Ключевые слова и фразы: законы; коренные американцы; индейцы; оккупация; самоопределение; новейшая история.

Преймак Александр Романович

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
preymak@gmail.com

ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ НОВОГО КУРСА ПО ИНДЕЙСКОМУ ВОПРОСУ И ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕННЫХ АМЕРИКАНЦЕВ В 1969-1974 ГОДАХ©

После фактической смены политического курса по индейскому вопросу администрацией Ричарда Никсона в 1970 году и последующих выступлений коренных американцев по всей стране, положение индейцев стало постепенно меняться. Данный процесс можно проследить по количеству и качеству принятых законов,